

## ПОСЛЕДСТВИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДИСКУССИЙ О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЕЙНОГО ПРАВА КАК ОТРАСЛИ ПРАВА

**Вихарев Алексей Андреевич**

Соискатель кафедры гражданского права  
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),  
e-mail: 1304050@gmail.com

*Рассматриваются догматические споры о самостоятельности семейного права как отрасли и их последствия. На основании интерпретации ряда правовых позиций высшей судебной инстанции автор делает вывод о том, что зачастую они инспирированы, в частности, догматикой права, что не во всех случаях приводит к положительным результатам. В заключение автор предлагает прагматическое решение: установить опровержимую презумпцию допустимости применения норм гражданского права к семейным отношениям.*

*Ключевые слова: семейное право, неимущественные отношения*

## CONSEQUENCES OF DOCTRINAL DISPUTES ABOUT FAMILY LAW AS A BRANCH OF LAW

**Vikharev Aleksey**

Ural State Law University (Yekaterinburg),  
e-mail: 1304050@gmail.com

*The dogmatic disputes about family law as a branch of law and their consequences are considered. Basing on the analysis of several precedents of the supreme court, the author concludes that interpreted cases are mostly inspired by dogmatic thesis stating family law being a branch of law different from civil law. The article points out negative outcome dogma has on domestic, marriage and family relations. In conclusion the author proposes a pragmatic solution: civil law prima facie is an appropriate instrument in domestic, marriage and family relations regulation.*

*Key words: family law, non-property relations*

Вопрос о самостоятельности отрасли семейного права в контексте отрыва его от права гражданского до настоящего времени является дискуссионным. Многочисленные версии о соотношении права гражданского и права семейного могут быть распределены по некой шкале, на которой один край будет отметкой безоговорочного вхождения права семейного в состав права гражданского и далее по мере ослабления такого поглощения вплоть до полного отрицания относимости к гражданскому праву так, как если бы речь шла о соотношении права гражданского и права фискального<sup>1</sup>.

Представляется, что в настоящее время доминирующая позиция доктрины частного права сводится к тезису о самостоятельном характере семейного права как отрасли права. Этот вывод обосновывается:

<sup>1</sup> В значительной степени напоминает формулировку п. 1 ст. 11 Налогового кодекса РФ о том, что институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в указанном кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено тем же кодексом. При этом фактическое применение правил показывает, что подавляющее большинство таких понятий, институтов и терминов имеют в контексте налогового права иное значение.

спецификой семейных отношений: их основу составляют права в брачно-семейных отношениях, права из которых неотчуждаемы, непередаваемы другим лицам, к ним не применимы такие институты гражданского права, как купля-продажа, дарение, завещание неимущественных прав<sup>1</sup>;

особенностями метода регулирования семейных отношений, особыми основаниями возникновения, изменения, прекращения семейных правоотношений (специфика юридических фактов – брак, рождение, усыновление и т. п.), специальным субъектным составом (супруги, бывшие супруги, бабушки, дети и т. п.), объектами и пр.<sup>2</sup>;

особенностями экономической составляющей семейных правоотношений, которая, в отличие от таковой в гражданских, не превалирует в механизме правового регулирования, а также различием целей, преследуемых нормами гражданского и семейного права<sup>3</sup>.

Существуют иные, менее фундаментальные версии обоснования, базирующиеся на тезисе о наличии кодифицированного отраслевого акта или же на интерпретации позиций высших судебных инстанций<sup>4</sup>.

Конечно, есть группа оппонентов, хотя и немногочисленная, которые считают, что нет оснований для выделения семейного права в самостоятельную отрасль, так как семейным и гражданским правом регулируется в целом тождественный круг отношений (имущественные и неимущественные); семейные и гражданские правоотношения строятся на основе равенства субъектов; в семейно-правовом регулировании используются характерные для гражданского права императивный и диспозитивный методы и т. д. Основываясь на этом, О. С. Иоффе, М. В. Антокольская, А. П. Сергеев, Н. Д. Егоров, И. В. Спасибо-Фатеева, И. В. Жилинкова и др. считают семейное право подотраслью права гражданского<sup>5</sup>.

В чем же суть данной дискуссии и каков утилитарный эффект от принятия той или иной позиции? Видится, что указанные вопросы являются наиболее важными.

По нашему мнению, формирующаяся практика применения норм семейного права, к глубочайшему сожалению, демонстрирует следование настроению большинства в доктринальной дискуссии – версии о самостоятельном характере семейного права как отрасли, что не во всех случаях приводит к положительным результатам.

В целом суть дискуссии о самостоятельности семейного права как отрасли может быть разъяснена исходя из смысла ст. 4 Семейного кодекса РФ, которая декларирует допустимость применения к имущественным и личным неимущественным отношениям

<sup>1</sup> В Комментариях к Семейному кодексу фактически воспроизведены мнения таких советских ученых, как П. И. Стучка, Е. М. Ворожейкин, В. А. Рясенцев (Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под ред. С. А. Степанова. М., 2015).

<sup>2</sup> Беспалов Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2–5; Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учеб. для вузов. М., 2000.

<sup>3</sup> Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007.

<sup>4</sup> Действительно, по формальному, несколько пандектному, признаку «возглавляемую» кодифицированным законодательным актом группу юридических правил принято относить к самостоятельной отрасли права с соответствующими собственными предметом и методом. Однако подобная методология выделения самостоятельных отраслей права представляется сомнительной. Видится заслуживающим внимания тезис о том, что существо нормативного регулирования определяется природой отношений, а не позицией законодателя или правоприменителя. Позиция последних может совпасть с действительностью, а может быть ошибочной. Исторические примеры весьма показательны: попытка регулирования экономических отношений публичными инструментами привела к достаточно печальным событиям.

<sup>5</sup> Иоффе О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1964; Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975 (Следует отметить, что О. С. Иоффе не был категоричен в определении семейного права как подотрасли гражданского. В частности, ученый отмечал, что, например, алиментные обязательства выходят за гражданско-правовые конструкции обязательственного права.); Гражданское право: учеб.: в 3 ч. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996; Харьковская цивилистическая школа: в духе традиций: моногр. / под ред. И. В. Спасибо-Фатеевой. Харьков, 2011.

между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, правил гражданского законодательства постольку, поскольку это не противоречит *существованию семейных отношений*.

Значение последнего тезиса преувеличивается, зачастую в отсутствие надлежащего политико-правового, а иногда и догматического обоснования обнаруживается «противоречие норм гражданского законодательства существованию семейных отношений» и в применении норм права гражданского к семейным отношениям отказывается в категорической форме посредством формулирования однозначной правовой позиции.

Продемонстрируем это на нескольких примерах.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г.) на вопрос о допустимости применения ст. 333 Гражданского кодекса РФ к отношениям, возникающим в связи с взысканием неустойки, предусмотренной п. 2 ст. 115 Семейного кодекса РФ, был дан отрицательный ответ. Верховный Суд РФ в подтверждение собственной позиции привел следующие доводы:

цели установления алиментных обязательств и особенности причин, по которым они устанавливаются (социально уважительные причины);

специальный характер неустойки как меры семейно-правовой ответственности, гарантирующей осуществление прав уполномоченных лиц на получение содержания;

отсутствие прямого указания на возможность уменьшения размера неустойки.

Такое обоснование является более чем спорным. Единственный тезис, который, возможно, заслуживает поддержки и усматривается из приведенного обоснования, – «необходимость беспощадно наказывать неплательщиков алиментов». При соотношении интереса просрочившего выплаты плательщика алиментов, заключающегося в уменьшении размера ответственности ( $\frac{1}{2}$  % в день – это примерно 180 % годовых), и интереса получателя алиментов в своевременности получения такого содержания Верховный Суд РФ практически безальтернативно устанавливает «ставку процентов годовых» в размере, значительно более высоком, чем взимают ростовщики.

По всей видимости, такой подход (дисциплинирование плательщиков алиментов через создание значительной санкции имущественного характера) базируется на посылке о том, что подобная угроза простимулирует надлежащее исполнение обязанности по уплате алиментов. Вместе с тем нет уверенности, что увеличение размера санкции за противоправное поведение во всех случаях приводит к позитивному эффекту и является справедливым.

Представляется, что обнаружение баланса интересов сторон, тонкая настройка правил – главная задача правоприменителя. Однако данный методологический аспект не обнаруживается в сформулированной безальтернативно правовой позиции Верховного Суда РФ.

Полагаем, что в обоснование интерпретации правил п. 2 ст. 115 Семейного кодекса РФ и ст. 333 Гражданского кодекса РФ могут быть положены иные ориентиры. Следует задать вопросом: справедливо ли устанавливать такое правило на все случаи просрочки уплаты алиментов и по отношению ко всем видам алиментов, независимо от особенностей получателя такого рода содержания. Само соотношение интересов алиментобязанных лиц и получателей алиментов может значительно отличаться в зависимости от семейно-правового положения таковых; указанные лица могут оказаться в самых различных жизненных ситуациях. Почему не учесть указанное очевидное обстоятельство и не оставить некий «зазор» для суда, допустив применение ст. 333 Гражданского кодекса РФ хотя бы в исключительных случаях? Кроме того, остается вопрос по содержанию са-

мого закона: ведь Семейный кодекс РФ в ст. 119 допускает изменение размера уплачиваемых алиментов, причем, обратите внимание, суммы основного долга. Почему же суд не может повлиять на размер неустойки?

Видится, что результат интерпретации, предложенный Верховным Судом РФ, инспирированный, в частности, тезисом о самостоятельности отрасли семейного права, вряд ли привел к улучшению ситуации с алиментными платежами. Представляется, что в ситуации с уплатой алиментов имел место обратный эффект. Алиментобязанные лица, испытывая внутренний протест против такой очевидно несправедливой санкции, без сомнения, предпримут максимум усилий для того, чтобы не платить ни суммы штрафных санкций, ни суммы алиментов, при этом в душе они будут искренне верить в то, что они поступают правильно. Ведь нет ничего важнее справедливости. При неснижаемой неустойке показатель, используемый для ее определения, не имеет значения, будь то  $\frac{1}{2}$  % или 5 % в день, эффект будет абсолютно одинаковый: суммы выплаченных алиментов будут уменьшаться.

Решение, предложенное Верховным Судом РФ, может стать поводом для обращения в Конституционный Суд РФ, который в последнее время достаточно часто апеллирует к вытекающим из Конституции РФ принципам справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности<sup>1</sup>. Верховный Суд РФ не учел указанные принципы, присутствующие, без сомнения, и гражданскому, и семейному праву, одним росчерком пера фактически сделал правило об ответственности за неуплату алиментов универсальным, а в ряде случаев крайне несправедливым, несоразмерным и обезличенным.

Представляется, что более верным с политико-правовой точки зрения было бы сведение разъяснения по обозначенному вопросу к простому утверждению: *«Не снижайте без веских причин присуждаемую неустойку, пусть такие случаи будут исключительными, учитывайте всю палитру обстоятельств и причин, по которым имела место просрочка исполнения обязанности»*. Вероятно, одной из главных причин формулирования правовой позиции о недопустимости применения правил ст. 333 Гражданского кодекса РФ к отношениям, связанным с взысканием неустойки за просрочку уплаты алиментов, выступает тезис о самостоятельности семейного права как отрасли права. Положителен ли эффект от такой правовой позиции? Вряд ли, по меньшей мере не в текущей, фактически безальтернативной, версии.

Линия на отторжение права семейного от права гражданского продолжается Верховным Судом РФ и в настоящее время. Совсем недавно имел место очень показательный сюжет.

Появление правила п. 1 ст. 308<sup>3</sup> Гражданского кодекса РФ, допускающего присуждение в случае неисполнения решения суда, предписывающего совершить или воздержаться от совершения определенных действий, особого судебного штрафа<sup>2</sup>, подлежащего взысканию в пользу истца (кредитора по соответствующему обязательству, независимо от его разновидности), должно было придать «второе дыхание» требованиям о защите прав, вытекающих из семейных отношений. Ведь ни для кого не секрет, что наиболее сложно исполнимы решения судов по семейным спорам. Именно в таких де-

<sup>1</sup> См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положения постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» в отношении санкции, предусмотренной п. 1 ст. 308<sup>3</sup> Гражданского кодекса РФ, используется термин «судебная неустойка».

лах должники, осознавая «иллюзорность» уголовной ответственности за неисполнение судебного акта, незначительный характер административных взысканий, открыто игнорируют судебные акты об определении места жительства детей, о порядке общения с детьми и многие другие. Казалось бы, вот он, тот самый инструмент, который позволит «сломить» волю любого должника и в условиях беспомощности права публичного добиться исполнения решения суда через право частное.

Однако Верховный Суд РФ в п. 30 постановления Пленума от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» привел следующее суждение: *«Поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена... при разрешении... семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи».*

Данная правовая позиция является очень спорной, причем не только и не столько с точки зрения политико-правового или догматического обоснования; таковое, к сожалению, ни в тексте, ни в сопутствующих разработке проекта указанного постановления дискуссиях не обнаруживается. Видится достоверным предположение о том, что с учетом перечня отношений, к которым, по мнению Верховного Суда РФ, правило п. 1 ст. 308<sup>3</sup> Гражданского кодекса РФ не применяется<sup>1</sup>, соответствующий вывод основан на буквальной интерпретации закона, применяемого глоссаторами и сторонниками школы экзегезы.

Вместе с тем подобный вывод противоречит тексту самого Семейного кодекса РФ. В ст. 4 Семейного кодекса РФ закреплено, что *существо регулируемых им отношений* определяет, допустимо ли применение к ним правил гражданского законодательства. В обозначенном постановлении обнаруживается абсолютно иная логика: *«Поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 Гражданского кодекса РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей»*, т. е., по мнению интерпретаторов, допустимость применения правил указанной нормы к семейным отношениям обуславливается не существом последних, а содержанием гражданского закона. В ранее приведенном Обзоре 2012 г. было хоть какое-то обоснование. В 2016 г. обоснование уже редуцировано до привычного из практики Высшего Арбитражного Суда РФ «по смыслу».

Такой подход вызывает искреннее сожаление. Представляется, что значимый политико-правовой и догматический анализ предложенного правила не осуществлялся, что усматривается из содержания акта абстрактного толкования закона. Во-первых, толкование в основном осуществляется в контексте предпринимательских отношений, граждан в его содержании просто нет. Во-вторых, большую часть положений, закрепленных в указанном постановлении, можно обнаружить в конкретных делах, рассмотренных ушедшим в прошлое Высшим Арбитражным Судом РФ или Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ (а не Судебной коллегией по гражданским делам). Эти обстоятельства и позволяют предположить, что основной инструментальный формирования правовой позиции по применению правил п. 1 ст. 308<sup>3</sup> Гражданского кодекса РФ находится в сфере буквального толкования закона и тезиса о недопустимости смешения, перекрестного применения норм различной отраслевой принадлежности.

Обоснован ли обозначенный в п. 30 постановления вывод об исключении возможности применения правил п. 1 ст. 308<sup>3</sup> Гражданского кодекса РФ к семейным отношениям?

<sup>1</sup> В п. 30 указанного постановления перечислены споры административного характера, трудовые, пенсионные споры, а также споры, связанные с социальной поддержкой.

Очень сомнительно. По меньшей мере, делать такие однозначные выводы в отсутствие надлежащей проработки не стоило.

Существуют и иные обстоятельства, подтверждающие спорный характер вывода Верховного Суда РФ.

Во-первых, следовало принять во внимание историю появления правила п. 1 ст. 308<sup>3</sup> Гражданского кодекса РФ и его правовую природу, в значительной степени процессуальную. Общеизвестно, что указанное правило выступает попыткой имплементации в российский правопорядок «изобретенного» французскими судами и получившего распространение в континентальной Европе инструмента *astreinte*. Основная задача *astreinte* – принуждение должника к добровольному исполнению судебного акта, который не может быть исполнен без его участия, причем применение такого инструмента не ограничивается частноправовыми спорами. Именно в таком виде данный инструмент был впервые закреплен в весьма смелом и ныне утратившем силу постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта».

Во-вторых, введение *astreinte* в российское право с его применением, в частности, к семейным спорам представляется вопросом решенным. В п. 60.6 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, одобренной решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1), прямо предусмотрена необходимость включения «нового вида санкций в исполнительном производстве, появившихся в судебной практике арбитражных судов в связи с принятием постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 года № 22 „О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта“». Если уж введение такого правила неизбежно, зачем его откладывать? По меньшей мере, избранный способ более чем сомнителен.

В текущем распределении «доктринальных сил» будет чрезвычайно сложно перебороть представление о том, что семейное право – самостоятельная отрасль права. Есть кодекс, написаны учебники, комментарии, где-то даже кафедры семейного права созданы. Идея о самостоятельном характере семейного права повлияла не только на доктрину, но и на внешние проявления науки права.

Нужно признать, что возврат права семейного в лоно права гражданского очень сложен, такой результат практически недостижим. Вместе с тем негативные последствия отторжения семейного права от права гражданского должны быть минимизированы посредством расширения сферы применения норм гражданского законодательства к семейным отношениям с использованием различных инструментов: прямое применение норм, аналогия закона, аналогия права или же «универсальность воли законодателя». Очевидно, что для этого имеются предпосылки как догматического (природа семейных отношений, методологическая основа регулирования семейных отношений), так и исключительно утилитарного, политико-правового характера<sup>1</sup>. Текущее правоприменение, основанное на идее самостоятельности семейного права, в отдельных случаях приводит к результатам, которые не могут быть оценены как позитивные, а также провоцирует необходимость формирования самостоятельного инструментария для регулирования семейных отношений как имущественного, так и неимущественного характера.

Вместе с тем гражданский закон располагает огромным потенциалом, значительным количеством полезных правил, которые прошли испытание временем, сформированы правовые позиции относительно их применения. Представляется, что многие нормы

<sup>1</sup> На данный момент решительно невозможно определить, кто же является «бенефициаром» тезиса о самостоятельности семейного права как отрасли. При этом участники семейных отношений каких-либо позитивных последствий от такого установления не испытывают.

права гражданского могли бы упростить жизнь людей, внести в нее определенность, наметить понятные рамки поведения. Существующее же в настоящее время практически полное отвержение права гражданского как инструмента регулирования семейных отношений вряд ли приведет к каким-либо позитивным результатам, что особенно ярко проявляется в сфере регулирования неимущественных отношений. В частности, гражданский закон сам еще только «учится» регулировать неимущественные отношения и, надо сказать, за последние 5–10 лет достаточно в этом преуспел по сравнению с тем, что было лет 20 назад. Конечно, можно игнорировать указанный опыт и пытаться выработать «семейственно-правовую идеологию», метод регулирования, создать свои инструменты. Вопрос в другом: кто «заплатит» за такого рода эксперименты? Пока теоретики спорят, рушатся судьбы конкретных людей.

Первым осторожным шагом на пути сближения права семейного и права гражданского могло бы стать формирование на уровне правовой позиции высшей судебной инстанции *опровержимой презумпции допустимости применения норм гражданского права к семейным отношениям* с возложением обязанности по опровержению таковой на суд, который намерен отказаться от применения этих норм. Рано или поздно, используя эту презумпцию, суды «нащупают» критерии недопустимости применения данных норм. В частности, одним из наиболее значимых критериев является стремление оградить отечественное семейное право, его исторические, национальные и культурные составляющие от чрезмерной и необоснованной коммерциализации отношений между членами семьи, что имеет место в правовых системах отдельных стран. Указанный критерий чрезвычайно актуален, особенно в свете обстоятельств принятия последних изменений в Гражданский кодекс РФ, дискуссий о возможности и обоснованности имплементации норм иностранного права в российское законодательство, которые происходили и идут в отечественной научной литературе. Зачастую такого рода стремления, даже обусловленные самыми благими намерениями, будучи положенными на российскую культурную основу, пагубно сказываются на правовой системе в целом. Видится важным беречь культурные, исторические особенности, отраженные в российском праве, от неоправданных нападков, прежде всего сторонников англосаксонских правовых систем, чьи мотивы зачастую имеют весьма сомнительную природу.

Представляется, что в такой модели определения допустимости применения норм права гражданского к семейным отношениям все достаточно быстро встанет на свои места: суды, будучи значительно перегруженными, просто не будут опровергать предлагаемую презумпцию или же будут опровергать ее только в вопиющих случаях, что в результате приведет к более интенсивному применению норм гражданского права к семейным отношениям.

Именно такой итог наиболее вероятен, причем не в силу того, что суды, будучи ограниченными во временных и иных ресурсах, не будут склонны к обоснованию недопустимости применения норм права гражданского к семейным отношениям, но в связи с близостью права семейного и права гражданского как частноправовых отраслей права, в силу естественных причин. Подобный подход максимально приблизит право семейное к праву гражданскому, при этом доктринальный аспект такого сближения будет затронут в минимальной степени, мнения дискутирующих сторон будут учтены: с одной стороны, сохранится доминирующая точка зрения о самостоятельности семейного права как отрасли, с другой – оппоненты данной позиции также получат некую научную сатисфакцию. В конечном счете при подобном исходе правоприменитель получит возможность эмпирическим путем произвести селекцию применимых правил гражданского права, законодатель – время для проработки концептуальных вопросов реформы семейного права; конечно же, выиграет и главный «потребитель» норм права семейного – человек.

### Библиография

- Беспалов Ю. Ф.* К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6.  
Гражданское право: учеб.: в 3 ч. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996.  
*Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975.  
*Иоффе О. С.* Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1964.  
Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) (постатейный) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под ред. С. А. Степанова. М., 2015.  
*Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007.  
Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СПС «КонсультантПлюс».  
*Пчелинцева Л. М.* Семейное право России: учеб. для вузов. М., 2000.  
Харьковская цивилистическая школа: в духе традиций: моногр. / под ред. И. В. Спасибо-Фатеевой. Харьков, 2011.

### Bibliography

- Bespalov Yu. F.* K voprosu o predmete semejnogo prava // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2013. № 6.  
Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 ch. / pod red. Yu. K. Tolstogo, A. P. Sergeeva. M., 1996.  
*Ioffe O. S.* Obyazatel'stvennoe pravo. M., 1975.  
*Ioffe O. S.* Sovetskoe grazhdanskoe pravo: kurs lekcij. L., 1964.  
Kommentarij k Semejnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij) (postatejnyj) / O. G. Alekseeva, L. V. Zaec, L. M. Zvyaginceva i dr.; pod red. S. A. Stepanova. M., 2015.  
*Nechaeva A. M.* Semejnoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki. M., 2007.  
*Pchelinceva L. M.* Semejnoe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov. M., 2000.  
Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 2 iyunya 2015 g. № 12-P po delu o proverke konstitucionnosti chasti 2 stat'i 99, chasti 2 stat'i 100 Lesnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i polozhenij postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva» v svyazi s zhaloboj obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Zapolyarneft'» // SPS «Konsul'tantPlyus».  
Har'kovskaya civilisticheskaya shkola: v duxe tradicij: monogr. / pod red. I. V. Spasibo-Fateevoj. Har'kov, 2011.